

Афонские листки

Том 2

УДК 291
ББК 86.3
А94

А94 Афонские листки: Том 2 / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 570 с.

ISBN 978-5-517-89389-5

Репринтное издание по технологии print-on-demand с оригинала 1900 года

ISBN 978-5-517-89389-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

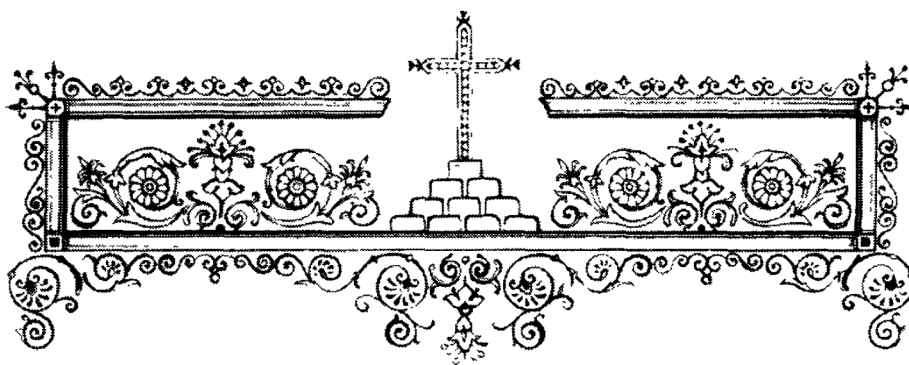
Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

№ 1

Норотка, бедственна жизнь наша. Недолго мы живем на земле: смерть приходит к нам, лишь только начинаем познавать как должно самих себя, а часто еще прежде всего необходимого самопознания. Мы здесь живем в чужом доме, и земля служит для нас гостиницей и вместе могилой. Начало жизни есть первый шаг к смерти. Как мореплаватель, плывя на корабле: стоит ли, сидит ли или лежит, мало-помалу подходит ближе к пристани или к предназначенному месту, так точно и мы во время плавания по житейскому морю, спим или бодрствуем, волей или неволей, с каждой минутой все далее отходим от начала и ближе подходим к концу. Жизнь наша более походит на смерть, ибо с каждым днем отнимается у нее некоторая часть ее течения; притом она исполнена сожаления о прошедшем, трудов в настоящем, беспокойства и страха за будущее. Вход в эту жизнь сопровождается воплем, дитя начинает свою жизнь слезами, как бы предчувствуя, что в будущем предстоят ему многие болезни, печали и несчастья, и горький опыт совершенно оправдывает эти мрачные предчувствия; выход из настоящей жизни ужасен, ибо не только мы отлично выходим из нее, но выходят и дела наши, являясь вместе с нами на страшный суд Божий. В грехах зачинаемся, в болезнях рождаемся, в страданиях живем, в тревожном страхе умираем. Прежде рождения — обременяем мать свою, рождаясь — становимся пришельцами, живя — делаемся гостями и странниками, а умирая — отправляемся в туманный дальний путь. Первую часть жизни проводим как бы в со-

вершенном неведении, вторую в трудах и печалях, последнюю в негодовании на немощную старость. Настоящая наша жизнь для нас непостоянна, прошедшая ничтожна, будущая неизвестна! Рождение наше бедно, жизнь бедственна, кончина тяжела, болезненна. Жизнь наша есть духовная мучительная борьба: дьявол, враг нашего спасения, ищет нашей гибели, мир против нас вооружается, собственное тело наше восстает против духа нашего. Все суета, всюду печаль, всюду горе, куда ни посмотришь. Если нет на земле постоянного, неизменного счастья, то можно ли найти на ней неизменные радости? Если тленные, земные блага угрожают нам временным и вечным их лишением, то какая же нам польза искать наслаждений в них? Продолжительная жизнь часто доставляет случай только больше грешить, больше терпеть зла и строже отвечать на страшном суде Божиим. Что же есть человек в настоящей жизни? Невольник смерти, скитающийся странник, пар, на малое время являющийся и потом исчезающий (Иак. 4, 14), непостоянный ветер, исчезающий как тень и неверный как сон. Что есть жизнь наша? Трепетное ожидание смерти, море разных страданий. Путь жизни нашей есть какой-то лабиринт, в который входим мы из чрева матери и из которого выходим вратами смерти. Человеческое тело без духовного сокровища, которое его одушевляет, есть земля и пепел. Жизнь наша слаба, как хрупкое стекло, скоропреходяща, как метеор. Счастье в настоящей жизни увлекает человека только своей наружностью, но если рассмотреть его с должным вниманием, то покажется пылью и дымом. Не земной гость истинное и прочное счастье — его нет в настоящей жизни. Посмотрим вокруг себя, и мы уверимся в этом. Почти на каждом шагу мы встречаем или нищету и бедность, или сиротство и тяжкое одиночество, или честолюбца, низверженного с высоты почестей и в одичалой грусти и отчаянии влачащего дни свои, или сластолюбца, мечтавшего найти верх удовольствий в удовлетворении своих похотливых побуждений и утратившего все свое имение на это, но вместо удовольствия нашедшего отраву жизни и бедность, в отчаянии проклинающего час своего рождения. Всюду почти услышим мы однообразный печальный отголосок: я несчастен! Вот как терниста и бедственна, как коротка и скоропреходяща жизнь наша на земле. Да, в строгом смысле судя, едва ли и есть

жизнь-то на земле: ибо не тогда мы умираем, когда испускаем последнее дыхание, напротив, умираем ежедневно, ежечасно, даже ежеминутно, и сколько времени прибавляется к жизни, столько же или еще более у неё убавляется. Не внезапно подвергаемся смерти, но ежеминутно к ней приближаемся. Смерть и жизнь кажутся совершенно различными одна от другой; однако же нет ничего ближе между собой, как смерть и жизнь. Смерть всегда близка к нам, едим ли мы, пьем ли, спим ли, бодрствуем ли, беспрестанно подходим к смертному часу. Неумолимая смерть носится над головами людей, посекая то ту, то другую. Она проникает и в чертоги, окруженные стражею, точно так же, как в убогую хижину всеми отверженного страдальца. Так бедственно, так мало живем мы.

И как человеку можно жить долго, как не страдать, не бедствовать, когда грех удалил его от Бога? Бог есть источник жизни и счастья, вне Его – мертвенность и скорби, безжизненность и горе, смерть и плач. Как же теперь человек, удалившись от Источника жизни, может жить долго? Как, уклонившись от высочайшего Счастья, может быть счастлив? Может ли мир, перенесенный из благословенных стран юга в суровый климат севера, где солнце мало согревает землю своими лучами и, следовательно, мало сообщает жизни, расти долго на холодной почве? Может ли земля украшаться цветами среди холодной зимы, когда солнце не сообщает более живительной силы? Точно так же нельзя долго жить и нам, когда Солнце правды перестало согревать нас; нельзя быть счастливым, когда грех удалил нас от Счастья. Мы живем здесь в изгнании, куда сосланы на исправление, где предстоит нам множество искушений. Блага мира сего по злоупотреблению нашему служат проводниками к порокам, воздаянием коих вечные муки и гееннский пламень последует за гробом.

Возлюбленная душа! не прилепляйся своими мыслями к временным благам, а чаще размышляй о благах вечных. Жизнь наша, как бы ни была продолжительна, не составит и одной минуты в сравнении с вечностью, нас ожидающей; не жертвуй же для сей мгновенной жизни жизнью вечной. Как ни кратка жизнь временная, но дана нам на приготовление к жизни вечной: в течение ее мы приобретаем или теряем право на вечное блажен-

ство. Если хочешь ты блаженной вечности, то старайся еще в сей жизни предвкушать блага небесные: пользуйся миром, но не прилепляйся к нему; живи в мире, но не люби мира. На небесах наше отечество, а здесь гостиница, не люби же однодневной гостиницы, ибо престанешь стремиться к небесному отечеству. Временная жизнь есть море, а вечная — пристань; не прельщайся же морской кратковременной погодой, чтобы не престать стремиться к пристани вечного спокойствия. Обманчива жизнь сия: она часто убегает, когда думают наслаждаться ею, и потому не должно доверять ей. Нельзя здесь и на один час обещать себе безопасность; ибо и в один час может кончиться жизнь наша. Безопаснее всего каждый час ожидать смерти и приготовляться к ней истинным покаянием. Обманчив мир сей с его благами: *не любите мира, ни яже в мире*, учит Апостол и Евангелист Иоанн, *аще кто любит мир, несть любви Отчи в нем: яко все, еже в мире, похоть плотская, и похоть очес, и гордость житейская, несть от Отца, но от мира сего есть. И мир преходит и похоть его, а творяй волю Божию, пребывает во веки* (1 Иоан. 2, 15–17).

Господи Иисусе Христе, отвори сердца наши от любви к миру и возбуди в нас стремление к Небесному Царствию. Аминь.

Благословение Обители Св. Пантелеимона

№ 101

(Издание седьмое).

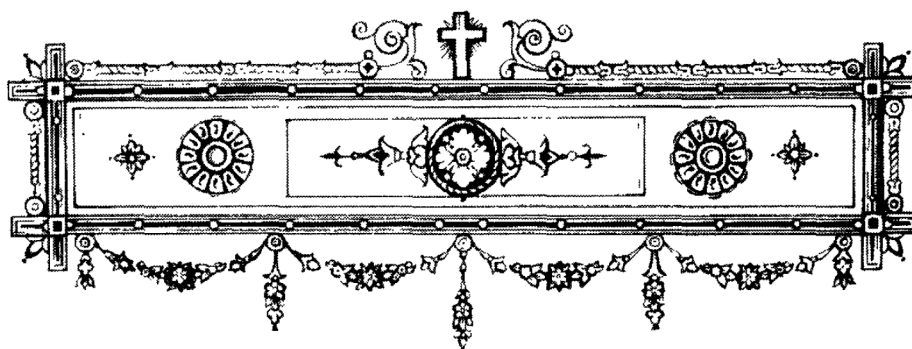
От Московского Духовно-Цензурного Комитета печатать дозволяется.

Москва. Ноября 5-го дня, 1907 года.

Цензор, протоиерей Александр Гиляревский.

Типо-Литография И.Ефимова. Большая Якиманка, собственный дом.

ГРЕХ – САМОЕ УЖАСНОЕ ЗЛО В МИРЕ

№ 1

(Из сочинений Филарета, архиепископа Черниговского)

ткуда все бедствия в мире? Откуда болезни? От греха, породившего смерть и болезни. Откуда нищета и недостатки? От греха: до греха во всем было довольство. Откуда стыд бесчестия? От греха: согрешили и стали стыдиться, стыдиться собственно греха же, которого ничего нет бесчестнее. Каков был человек, прежде чем согрешил? Он был покоен, здоров, весел, счастлив, без всяких нужд, без всякого горя. Согрешил, и земля стала приносить ему и колючую траву, тварь начала вздыхать вздохами землетрясений, громов и бурь, в муках стали рождать детей, встретились с болезнями, дряхлостью, смертью. Отовсюду окружили и стали теснить человека беды – беды на море и на суше, в пустыне и в городе, беды от своих и от чужих. Что приносит нам грех каждый день? Откуда расстройства семейной жизни? Откуда расстройства гражданской жизни? Не от страстей ли, воюющих в сердцах наших? Не указываю на те страсти, которые так очевидно лишают людей и здоровья, и имущества, и доброго имени. Самое тонкое злоупотребление сил сопровождается тонким, но столько же едким злом. Гордость передает пьянству и убивает рассудок; мудрость, не искусившаяся имени Бога в разум, *предается в неискусен ум, творити неподобная* (Рим. 1, 28). Корысть не столько наполняет дом богатством, сколько душу заботами. Коварство падает в яму, которую готовило оно другому. Стало быть,

не будь греха, не было бы и бед в мире? Да, это так. Испытайте, и уверитесь. Пусть не будет неправды в приобретении богатства. Сколько умолкнет жалоб и стонов! Тысячи будут одеты и сыты оттого, что жадность немногих не будет у множества отнимать хлеб и покой. Пусть прекратится раскол. Вместо беспокойств и тревог водворится в доме довольство. Сколько предотвратите вы зол, удержав одно неудержимое зло – язык наш?! Чтоб видеть, какую силу имеет жизнь святая над физическим злом, читайте историю святых. Им и яд не вредил и звери лютые служили, их и огонь не жег и вода не топила. О! Грех – самое ужасное зло в мире. Бегите греха по крайней мере для того, чтобы как можно менее тяготели над вами бедствия земные. Молитесь всего более не о том, чтобы вы были богаты, здоровы, в чести и уважении, – молитесь о том, чтобы Господь помогал вам избавляться от страстей, от привычек худых, от греха.

Правда, в жизни временной нам не всегда бывает приметно, как грех собирает нам бедствия, как оброк свой. Даже случается видеть, что страдает на земле и праведник, тогда как неправедные успевают в предприятиях. Но не тревожьтесь, не завидуйте творящим беззаконие. Если не здесь, то там придет к ним доля их. Не смущайтесь страданием праведного. Временные лишения, потеря здоровья, потеря богатства, неизвестность для людей служат тому, кто умеет ими пользоваться, только средством к приобретению лучших благ, к преспеянию в совершенстве духовном, без которого все прочее – ничто. Если же и по земным опытам видимые потери – только врачевство против греха и средства к совершенству, то, стало быть, и по земным опытам – зло в собственном смысле есть только грех. Что ж откроется за гробом? Чем явится там грех? Там ад и геенна покажут, что плата за грех не так мала и легка, как казалось легкомыслию до гроба. О! тогда скажут люди: лучше бы вытерпеть тысячи смертей, чем гореть в геенне огненной; лучше бы кишеть в червях целую жизнь на земле, чем сносить, как точит червь неусыпающий, лучше бы гнить в ранах смрадных от колыбели до гроба, чем терзаться во тьме безотрадной целую вечность. Если бы могли мы, братие, представить себе страшную лютость мук гееннских: брэнная жизнь наша не устояла бы от страха. К горам будут взывать тогда грешники, чтобы пали и

покрыли их от лица Сидящего на престоле. Но горы не скроют от взора Его, и ярость гнева Божия будет поражать отверженных, и дым мучения их будет восходить во веки веков (Апок. 14, 11). О, вечность, вечность! Как грозна ты для несчастного грешника! Что значит самое продолжительное время скорбей земных; что самое тяжкое страдание во времени в сравнении с вечностью мук грешника? Год мучительной болезни кажется нам несносным. Но прилагайте тысячелетия к тысячелетиям, ряды тысячелетий к другим рядам, и все это еще не вечность грозная для грешника. Умилосердися, Господи, над созданием Твоим; спаси, спаси меня, имиже веси судьбами, от погибели греховной!

Скажут: «Не каждый же грех так ужасен, есть грехи малые; они, конечно, могут уступать тяжестью грехам тяжким». Ах, братие! Если и правда, что есть разность между грехами, то правда и то, что многие мнения людские о грехах во многом не согласны с истиной. Люди говорят: не важное дело солгать иногда, пошутить на счет другого, позабавить собою других. Важное ли дело не быть ныне или завтра в храме, не соблюсти поста, не молиться утром или вечером и пр.? Не будем разбирать, точно ли каждый из оных грехов легок и мал. Подумаем о том, что каждый грех, если повторяем его не раз и не два, но не очищаем ни разу покаянием, никак не может быть признан малым. Нет, в таком виде он так нелегок, что может увлечь нас в геенну, как нераскаянных грешников. Считая то и другое малым, не доходят ли до того, что никакого греха не считают великим? Бросьте с вершины горы камешек, — он ударами своими увлечет два других, и три, соединясь сталкивают и немалый камень; чем далее покатится камешек, тем более наберется число спутников, в том числе и очень великих. Точно то же бывает в душе нашей от так называемых малых грехов. Осмотрись, бедная душа моя, сколько у тебя таких грехов, которые включены тобою в число малых, и сколько грехов вызвано теми малыми грехами! Сочти потом, сколько у тебя великих добрых дел, тяжесть которых могла бы удержать тебя от падения в геенну? Легкомыслие шутит грехом, а грех, как червь, более и более точит душу: легкомыслие смеется над набожностью и доходит до безбожной жизни; легкомыслие пренебрегает уставами Церкви

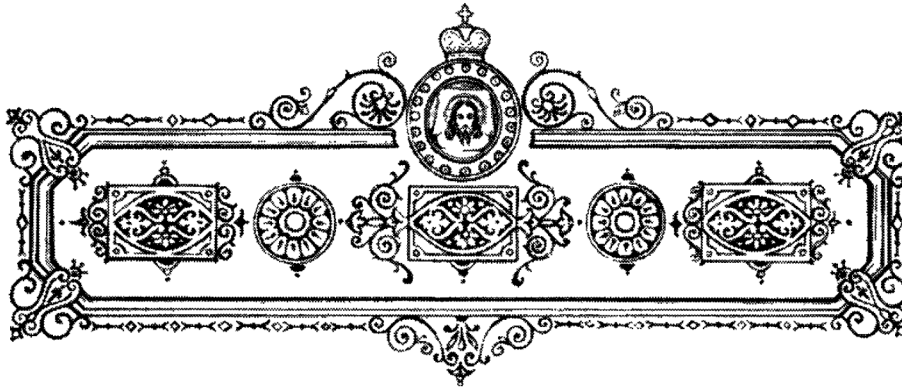
и скоро начнет пренебрегать христианством; легкомыслие считает за малость не посвящать Богу дней воскресных и праздничных и начинает проводить их не только в праздности, но в разврате. О, Господи! спаси нас, погибаем.

Отчего же так мало чувствуем мы тяжесть греха, тогда как беды времени бывают невыносимы? Привыкая к крепким напиткам, замечают ли разрушительное действие их на организм телесный? А между тем — чем далее, тем более приближают они его к разрушению, к смерти. Привычка к греху, точно то же производит в душе нашей. Привыкая к греху, мы начинаем пренебрегать действиями его на нас, а вместе с тем начинаем любить то, чего бы не должно любить. Таким образом мысли тупеют, чувства развращаются; великое становится малым и малое великим, временные блага, временный покой, временная честь, временное богатство становятся так важны, что за ними не видят ничего важного. Вот почему боятся потерей временных и не думают о грехе, поражаются, волнуются, выходят из себя, если лишаются детской забавы, а нимало не озабочены тем, что не с чем явиться в вечность, на суд Божий...

Братие! пока есть время, пока в нашей власти способы спастись от греха: воспользуемся способами спастись себя от самого грозного для нас бедствия — от греха. Не будем малодушны, не будем малосмысленны при встрече с временными скорбями. Прежде всего и более всего будем молить Господа, чтобы дал нам силы спастись от греха, во славу святого имени Его — Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Благословение Обители Св. Пантелеимона

СТРАШЕН ДЛЯ ГРЕШНЫХ ПОСЛЕДНИЙ СУД ГОСПОДЕНЬ

№ 1 |

(Из поучения в неделю мясопустную
св. Димитрия Ростовского)

Недавно мы праздновали первое пришествие Христова, а ныне творим воспоминание второго Господня пришествия. В первый раз Христос приходил взять грехи мира и даровать всем прощение; во второй раз придет судить грехи всего мира и воздать каждому по делам его. В первый раз приходил Господь тихо, без шума и молвы; во второй раз придет во всей славе Своей. Тогда поколеблется земля, потрясутся горы, взволнуются моря, небеса изменятся, звезды спадут, все стихии разорятся, и все, что на земле, сгорит. Итак, ненапрасно второе пришествие Господне называется обыкновенно страшным судом. На этом суде, где будут судимы живые и мертвые, устрашится всякое создание горнее и дольнее, невидимое и видимое. Этот суд будет страшен святым и праведным, ибо тогда и праведник едва спасется; но особенно будет страшен грешникам: *нечестивый же и грешный где явится?* (1 Петр. 4, 18).

А так как мы все грешны, то не говоря о том, от чего последний суд Господень страшен и для праведных, рассмотрим внимательнее, от чего этот суд особенно страшен для нас грешных.

Во второе пришествие Христова, прежде явления Сына Божия, услышится глас трубы Архангельской, вызывающий мертвых от гробов. *Вострубит бо, и мертвые встанут*